

Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны

✱

М. Д. Рабинович

Вопрос об офицерском корпусе русской армии в первой четверти XVIII в. неоднократно затрагивался в общеисторической и военно-исторической литературе и был сюжетом нескольких специальных работ¹. В частности, рассматривался процесс постепенной замены офицеров-иноземцев русским командным составом; способ подготовки офицерских кадров; порядок прохождения службы, присвоения чинов, баллотирования на вакансии. В качестве аксиомы было принято мнение о том, что большинство офицеров регулярной армии были выпущены из гвардии, бывшей основным поставщиком командных кадров.

Все эти вопросы изучались главным образом по законодательно-нормативным актам, причем очень редко прослеживалось, в какой мере последние реализовались на практике. За исключением небольшого числа «птенцов гнезда Петрова», совершенно неизученной осталась основная масса офицерских биографий.

Поэтому из поля зрения выпали такие важные аспекты проблемы, как социальное происхождение командных кадров петровской армии и их имущественное положение.

Совершенно не изучено проникновение в офицерскую среду недворянских элементов из числа боярских людей и дворовых, крепостных крестьян, посадских низов; их положение в новом социальном качестве и удельный вес в общей массе офицерского состава. То же можно сказать о военных служилых людях «старых (прежних) служб»: рейтарах, копейщиках, солдатах, пушкарских чинах, включенных в командные кадры регулярной армии.

Хотя вопрос об офицерах-иноземцах можно отнести к числу

¹ Н. П. Глиноецкий. Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чинопроизводства в русской армии. — «Военный сборник», 1887, № 4; А. З. Мышлаевский. Офицерский вопрос в XVIII веке. — «Военный сборник», 1899, № 6; Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958.

более исследованных, до сих пор не установлено соотношение тех из них, кто родился в России или получил там офицерское звание до 1700 г., с теми, кто завербовался на русскую службу в ходе Северной войны.

Нет сводных данных о грамотности основной массы русских офицеров того времени.

Целью этой работы является историко-социологическое исследование биографий офицеров полевой армии, которые сохранились в документах Центрального государственного Военно-исторического архива (ф. 490, Коллекция офицерских «сказок», оп. 2) за 1720—1721 гг. Основываясь на их статистической разработке, анализе и сопоставлении с другими опубликованными и архивными данными, автор рассматривает вопросы социального происхождения и имущественного положения офицерского состава; степень грамотности командных кадров петровской армии.

В 1718 г. вновь созданная Военная коллегия затребовала от всех подчиненных воинских частей подлинные «сказки» о службе каждого офицера с его собственноручной подписью и составленные на их основании послужные списки.

В целях единообразия была разработана, говоря теперешним языком, типовая анкета на вопросы которой надлежало письменно ответить за личной подписью каждому офицеру: «Из каких чинов и каким образом и чрез какие чины до тех нынешних чинов произошли? И в которых годах и в какие службы написаны? И где были на службах, на баталиях, на акциях? И за какие кто службы произведен в чины и кем и по каким указам? И сколько за кем поместей и вотчин? А иноземцы: каких наций и сколько давно в службу въехали? И по каким капитуляциям и почему они жалованья получают?»² Податели «сказок» и лица, подписавшие составленные на их основании послужные списки, были заранее предупреждены об уголовной ответственности за неправильные сведения. Иногда у авторов «сказок» требовали документы или свидетельские показания, «подкрепляющие» правильность сообщаемых сведений. В этих, правда немногих, случаях к офицерским «сказкам» и послужным спискам приобщались копии подтверждающих материалов (например, патентов на офицерские чины). Составление офицерских «сказок» и послужных списков затянулось на длительное время. Объяснялось это тем, что часть офицеров находилась в командировках за пределами своих полков или в многомесячных домашних отпусках. Сбор «сказок» и послужных списков в пехоте и кавалерии начался официально в январе 1720 г. Однако, если в пехотных полках он был в основном закончен в течение 1720 г. (в 30 полках из 34), то в коннице он продолжался почти два года и основная масса «сказок» и послужных списков была представлена в 1721 г. (в 21 полку из 26).

² ЦГВИА, ф. 490, Коллекция офицерских «сказок», оп. 2, д. 32, л. 1.

Сохранившиеся офицерские «сказки» и послужные списки Петровского времени характеризуют в общей сложности 2245 офицеров, служивших в 60 полевых полках пехоты и кавалерии.

Необходимо решить основной вопрос: в какой степени типична исследуемая группа офицеров (2245 чел.) по отношению к основной массе командного состава русской армии конца Северной войны. Отсюда возникает необходимость установить его численность в 1720—1721 гг., когда Военная коллегия собирала сведения об офицерском составе полевой армии. К сожалению, в архивах не удалось разыскать итоговые данные за эти годы. Однако их можно установить со значительной степенью вероятности³.

В качестве исходного может быть принят документ «Генералитет или табель о полевой армии» 9 февраля 1720 г.⁴, коим было установлено, что полевая армия состоит из 33 драгунских и 40 пехотных полков. В первых полках было по 46, а во вторых по 48 офицеров. Таким образом, в 73 полевых полках должно было состоять 3438 офицеров (1518 в кавалерии и 1920 в пехоте). Как указывалось выше, имеются данные об офицерах 60 полевых полков (26 драгунских и 34 пехотных), насчитывающих 2245 офицеров (963 в кавалерии и 1282 в пехоте).

Следовательно, в нашем распоряжении есть сведения о 60 полках из 73, т. е. о $\frac{4}{5}$ полевых войск, в том числе о 26 из 33 кавалерийских и 34 из 40 пехотных полков. Если признать, что полевые полки были укомплектованы офицерским составом полностью, согласно штату 1720 г., то можно считать, что имеются данные относительно 2245 офицеров из 3438 или о 65,1%, в том числе о 963 из 1518 в кавалерии (63,4%) и 1282 из 1920 в пехоте (65,7%). Таким образом, в дошедших до нас «сказках» и послужных списках имеются сведения примерно о $\frac{2}{3}$ штатного офицерского состава.

Однако фактически ни один из полков полевой армии не был укомплектован офицерским составом на 100% штатной нормы. Прежде всего это относится к должностям подьячих, которых полагалось по 2 на полк, а фактически нигде не было, что в общей сложности составило 146 штатных единиц. В ряде полков не были полностью укомплектованы и другие офицерские должности. Это приводило к тому, что в кавалерийских полках в среднем было по 37 из 46, а в пехотных — по 38 из 48 офицеров, и они фактически были укомплектованы командным составом примерно на $\frac{4}{5}$ (на 80% в кавалерии и 79% в пехоте). Поэтому можно признать, что данные, содержащиеся в офицерских «сказках» и списках 1720—1721 гг., охватывают 80% полевых войск как по количе-

³ ПСЗ, т. XLIII, № 5425, стр. 15—21; ЦГВИА, ф. 23, Воинские комиссии, д. 505, лл. 24—40; д. 859, лл. 63—70.

⁴ ПСЗ, т. XLIII, № 5425, стр. 15.

ству полков, так и по фактическому наличию офицерского состава.

Вместе с тем, на мой взгляд, представляется возможным подсчеты и выводы из анализа 2245 биографий офицеров полевых войск распространить на командный состав гарнизонных полков, который комплектовался в основном из офицеров полевой армии, признанных за болезнями, ранами или преклонным возрастом непригодными к полевой службе, и из командного состава расформированных полков, а также заштатных офицеров, которых за отсутствием вакантных должностей нельзя было определить в полевые войска.

В то же время между полевыми и гарнизонными войсками постоянно происходил обмен командным составом, так как молодые и здоровые офицеры гарнизонных войск переводились в полевую армию, заменяясь офицерами, непригодными по состоянию здоровья или преклонному возрасту к полевой службе. Все это позволяет обе категории командного состава рассматривать как одно целое.

Поэтому к 3438 офицерам, предусмотренным штатом для полевых полков, можно прибавить 1848 офицеров, положенных по штату для 52 полков, 1 эскадрона и 3 батальонов гарнизонных войск. В общей сложности штат 1720 г. определял офицерский состав полевых и гарнизонных войск в 5286 чел.⁵

Принимая во внимание 20-процентный некомплект, обычный для командного состава армии того времени, фактическую численность офицерского корпуса можно определить в пределах 4200—4300 чел. Поскольку мы располагаем данными о 2245 офицерах, можно считать, что это составляет 52,2—53,4% фактического наличия офицерского состава полевых и гарнизонных войск.

Учитывая идентичность их офицерского состава и то, что в нашем распоряжении имеются сведения более чем о половине из фактического наличия, можно считать эти данные характерными для всего офицерского корпуса армии в целом. Следует оговориться, что в этот подсчет не включены командные кадры гвардии, Генерального штаба, артиллерии и инженерных войск. В общей сложности офицеров всех этих категорий к началу 1725 г. насчитывалось 589 чел., в том числе 220 в гвардии, 232 в Генеральном штабе и 137 чел. в артиллерии и инженерных частях⁶.

Характерно, что все они выделялись правительством из состава армии в особые группы, имели свои штаты и оклады, значительно превышающие армейские. Офицеры гвардии и артиллерии считались на один-два чина выше, имевших с ними

⁵ Подсчеты сделаны на основании ПСЗ, т. XLIII, № 5425, стр. 15—21.

⁶ И. И. Голиков. Дополнения к Деяниям Петра Великого, т. XVII. М., 1797, стр. 438—442.

одинаковое звание армейских офицеров⁷. Перевод из этих войск в армейские полки тем же чином считался мерой наказания.

Таким образом, по сравнению с армейским офицерством они составляли особые привилегированные категории командного состава.

*

Обратимся теперь к вопросу о происхождении офицеров, служивших в русской полевой армии в 1720—1721 гг. До создания регулярной армии в 1699—1700 гг. офицерский состав вооруженных сил комплектовался из следующих контингентов: дворянства, составлявшего офицерский корпус поместной (дворянской) конницы и основную массу командного состава пехоты и конницы войск «нового (иноземного) строя»; выходцев из военных служилых людей «по отечеству», по существу мелкопоместных дворян: рейтар, копейщиков, гусар, драгун, составлявших часть офицерства конницы «нового (иноземного) строя»; военных служилых людей «по прибору»: солдат, городских казаков, стрельцов и пушкарских чинов, из которых происходила часть командного состава пехоты «нового (иноземного) строя», стрелецкого войска и городских гарнизонов; иноземцев, сохранивших свое вероисповедание или принявших православие («новокрещенов»). Иноземцы служили в основном в войсках «нового (иноземного) строя» и частично в стрелецких полках.

В ходе Северной войны к этим контингентам прибавился еще один: заметное место в офицерском корпусе заняли выходцы из других сословий — городского населения (посадских, купечества, мастеровых); мелких служилых людей гражданской службы (подьячих, ямщиков, конюшенных чинов); феодально-зависимого населения (государственных, монастырских и помещичьих крестьян, людей боярских, дворовых, кабальных); церковных и монастырских служителей, а также детей всех перечисленных выше групп.

Более подробно данные о всех них см. в табл. 1⁸.

Из таблицы явствует, что большинство офицеров полевой армии происходило из дворян (около 62%). Процент этот заметно колебался в зависимости от рода войск. Среди офицеров пехоты дворяне составляли несколько более половины (52%) начальствующего состава. Иначе обстояло дело в таком традиционно дворянском роде войск, как кавалерия.

Еще со времен поместной конницы дворяне составляли там не только командный, но и значительную часть рядового состава.

⁷ По Табели о рангах 1722 г. майор гвардии и подполковник артиллерии были равны армейскому полковнику (ПСЗ, т. VI, № 3890, стр. 487).

⁸ Здесь и в дальнейшем все специально не оговоренные подсчеты и таблицы составлены на основании документов ЦГВИА, ф. 490, оп. 2, д. 1—61.

Таблица 1

Число офицеров полевой армии — выходцев из разных социальных слоев
(по данным 1720—1721 гг.)

Социальное происхождение	Штаб-офицеры				Обер-офицеры				Всего		
	полков-ники	подпол-ковники	майоры	капитаны	поручики	подпо-ручники	прапорщики	прочие офи-церские чины *	абс.	% к итогам по родам войск	% к общему итогу
Дворяне											
в пехоте	9	15	46	155	140	142	112	89	708	52,2	
в кавалерии	14	15	29	162	185	22	156	99	682	71,0	
Итого	23	30	75	317	325	164	268	188	1390		61,9
Военные служилые люди «старых (преж-них) служб»											
в пехоте	—	—	1	9	12	25	23	23	93	7,2	
в кавалерии	2	—	2	22	36	3	38	40	143	14,6	
Итого	2	—	3	31	48	28	61	63	236		10,6
Другие сословия											
в пехоте	—	1	—	18	65	59	72	84	299	22,6	
в кавалерии	—	—	—	2	1	—	2	12	17	1,7	
Итого	—	1	—	20	66	59	74	96	316		13,9
Иноземцы											
в пехоте	14	14	14	39	14	18	18	31	162	12,6	
в кавалерии	7	9	4	40	19	5	9	26	119	12,5	
Итого	21	23	18	79	33	23	27	57	281		12,6
Не указано											
в пехоте	—	—	—	3	3	4	6	4	20	1,5	
в кавалерии	—	—	—	—	—	—	—	2	2	0,1	
Итого	—	—	—	3	3	4	6	6	22		1
Всего офицеров											
в пехоте	23	30	61	224	234	248	231	231	1282	—	61,6
в кавалерии	23	24	35	226	241	30	179	179	963	—	38,4
Итого	46	54	96	450	475	278	410	410	2245	—	100

* К прочим офицерским чинам отнесены полковые квартирмейстры, адъютанты, обозные, правянтмейстеры, писари, аудиторы, фискалы, профосы, лекари. В документах периода Северной войны всех их обычно именовали «унтер-штабом».

При формировании первых десяти полков регулярной кавалерии в 1701 г. ее рядовой и сержантский состав целиком состоял из дворян и близких к ним служилых людей «по отечеству». В общей сложности сюда было зачислено 9741 чел. городских дворян и их детей, рейтар и копейщиков. Причем дворянами были целиком укомплектованы 4 полка, а их недорослями — малолетний драгунский полк⁹.

В дальнейшем удельный вес дворян в рядовом и сержантском составе кавалерии постепенно падал. Однако еще в 1711 г. в Луцком драгунском полку из 743 чел. личного состава дворяне и дворянские недоросли составляли 646 чел. — 87%. В 1706 г. в этом полку рядовыми служили трое князей Шаховских, а в 1709 г. — князь Костров¹⁰. В Нарвском драгунском полку в 1711 г. из 732 чел. рядового и унтер-офицерского состава 595 (85%) были из дворян¹¹. Даже в конце Северной войны были кавалерийские полки, где дворяне составляли от трети до половины личного состава: в Астраханском драгунском полку — 397 из 1230 чел.; в «от кавалерии гренадерском фон-дер-Роппа полку» — 660 из 1211 чел.¹² Поэтому неудивительно, что в кавалерии дворяне составляли около $\frac{3}{4}$ (71%) офицерского состава.

Накануне и в начале Северной войны значительную роль в комплектовании регулярной кавалерии, ее командных кадров сыграл верхний слой феодалов: царедворцы и московские чины. Так, в 1698—1700 гг. в Преображенском из них были сформированы драгунские полки генералов А. М. Головина (впоследствии — Киевский) и А. А. Вейде (в дальнейшем — Московский).

В 1700—1706 гг. в офицеры было записано 2671 чел. царедворцев и московских чинов¹³.

Другим важным источником пополнения командного состава армии дворянскими кадрами была «запись в службу» недорослей. 5 января 1708 года было указано, что «зело б изрядно, что кроме гарнизона (Московского. — М. Р.) несколько полков пехотных сделать и обучить для всякого нужного дела. Также из недорослей и которые кроютца сыскать человек триста или пятьсот и обучать оных для того, чтобы из оных впредь выбирать в офицеры»¹⁴. В этом распоряжении Петра I обращает на себя внимание идея создания резервных частей главного командования и запаса офицерских кадров из дворянских недорослей, которые должны были пройти определенный курс обучения.

В дальнейшем правительство неоднократно производило набор дворянских недорослей. 2 марта 1711 г. последовал соб-

ственноуказ Петра I: «Дворян собрать молодых для запаса в офицеры, а наипаче тех, которые кроются, сыскать». Причем Петр I требовал: «Кто скрываетца от службы объявить в городе, кто таково сыщет — тому дават все деревни того, кто ухоронился». 13 марта 1711 г. Сенат в соответствии с этим указом распорядился: «А буде кто о таких недорослей объявить не учнут, и тех вышних чинов быть в его государеве гневе, а нижем — в жестоком истязании»¹⁵.

По имеющимся «сказкам» и послужным спискам 1720—1721 гг. не всегда можно установить, из каких категорий дворянства происходили офицеры. Основная масса их лаконично указывала, что происходят из шляхетства (дворянства) или шляхетских (дворянских) недорослей. Исключением были выходцы из феодальной аристократии: титулованные особы (князья и графы) и так называемые царедворцы (стольники, стряпчие, жильцы). В их среде бытовали местнические традиции, поэтому они довольно пространно писали о своем происхождении, придворной и военной службе как предков, так и своей собственной.

Эти особенности исследуемых документов вынуждают ограничиться подразделением офицеров-дворян на две группы: выходцев из феодальной аристократии и выходцев из шляхетства. Их удельный вес среди дворянства виден из табл. 2.

Таблица 2

Число офицеров-дворян — выходцев из феодальной аристократии и шляхетства

Категория дворянства	Пехота		Кавалерия		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Из феодальной аристократии	189	26,9	164	24,1	353	22,6
Из шляхетства	519	73,1	518	75,9	1037	77,4
Итого	708	100,0	682	100,0	1390	100,0

Хотя во многих указах правительства, закрепленных Табелью о рангах 1722 г., отдавалось явное предпочтение службе и заслугам перед происхождением («породой»), анализ офицерских «сказок» и послужных списков показывает, что принадлежность к феодальной аристократии обеспечила ее представителям значительные преимущества.

⁹ ЦГАДА, ф. Золотая палата, д. 1050, л. 4.

¹⁰ ЦГАДА, Госархив, XX разр., д. 16, ч. 1, лл. 45—60.

¹¹ Там же, лл. 164—191.

¹² ЦГВИА, ф. 490, д. 2, лл. 91—93; д. 3, л. 202—202 об.

¹³ ЦГАДА, ф. Ближняя канцелярия, д. 16, лл. 2, 4, 41, 42; Кабинет Петра I, Отд. I, д. 3, л. 257 об.; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1434, л. 7.

¹⁴ ПСЗ, т. IV, № 2184, стр. 401.

¹⁵ ЦГАДА, Кабинет Петра I, Отд. II, кн. 14, лл. 91—92; Отд. I, д. 34, лл. 116, 127, 127 об.; П. и Б., т. XI, стр. 100.

Прежде всего это относилось к присвоению первичных офицерских званий. Из 70 русских офицеров кавалерии, которым офицерский чин был присвоен сразу при вступлении в службу или при службе менее одного года, $\frac{2}{3}$ (45 чел.) принадлежали к феодальной аристократии. Из 353 офицеров — представителей феодальной аристократии — 189 служили в пехоте и 164 — в кавалерии. Их удельный вес среди офицеров-дворян этих родов войск составлял 26,9% и 24,1%. Около четверти аристократов имели штаб-офицерские чины (86 чел.). Хотя выходцы из аристократии составляли всего около четверти офицеров (22,6%), из ее среды вышло более $\frac{2}{3}$ штаб-офицеров, в том числе $\frac{3}{4}$ полковников (17 из 23 чел.), более $\frac{2}{3}$ подполковников (21 из 30 чел.) и около $\frac{2}{3}$ майоров (48 из 75 чел.).

Около $\frac{1}{7}$ части офицеров — выходцев из феодальной аристократии — составляли титулованные особы (47 из 353 чел.). К их числу относились 46 князей и 1 граф. Из них 21 служил в пехоте и 26 — в кавалерии. Среди командиров полков титулованные особы составляли около $\frac{1}{4}$ (4 из 17 чел.); 20 из 47 чел. были штаб-офицерами и капитанами; 44 занимали строевые офицерские должности и только 3 состояли в «унтер-штабе».

57 офицеров принадлежали к числу стольников и их детей. Из них вышла половина полковников (8 из 17 чел.) и более $\frac{1}{3}$ штаб-офицеров аристократов (26 из 86 чел.). 6 имели придворное звание стряпчих. Более половины представителей феодальной аристократии составляли жильцы и их дети (180 из 353 чел.). Из их среды вышли около $\frac{1}{4}$ полковников (4 из 17 чел.) и более $\frac{2}{5}$ других штаб-офицеров (37 из 86 чел.). 63 офицера написали в своих «сказках», что они принадлежали к числу царедворцев без указания придворного звания. Подавляющее большинство выходцев из феодальной аристократии были строевыми командирами и только около 7% принадлежали к «унтер-штабу».

1037 офицеров указали в своих «сказках» и послужных списках принадлежность к шляхетству (дворянству) или происхождение из дворянских (шляхетских) недорослей. На долю последних приходилось более половины всех офицеров — выходцев из дворян (558 из 1037 чел.). Особенно высокий удельный вес недорослей был в пехоте, где они составляли более $\frac{2}{3}$ (353 из 519 чел.) дворянских командных кадров. В кавалерии их было около $\frac{2}{5}$ (205 из 518 чел.). Хотя выходцы из шляхетства и недоросли составляли $\frac{3}{4}$ (74,6%) дворян-офицеров, на их долю приходилась только $\frac{1}{3}$ штаб-офицерских должностей (42 из 128 чел.), в том числе $\frac{1}{4}$ полковников (6 из 23 чел.), $\frac{1}{3}$ подполковников (9 из 30 чел.) и $\frac{1}{3}$ майоров (27 из 75 чел.). 84,6% выходцев из шляхетства и недорослей были строевыми офицерами, 15,4% (162 из 1037 чел.) относились к «унтер-штабу».

К началу XVIII в. военные служилые люди Русского государства представляли весьма пеструю картину. Это было следствием разновременных, не соединенных преемственной связью

реформ и мероприятий в области военного дела, проводившихся в течение XVII в.

В это время военных служилых людей можно условно подразделить на две большие группы: служилых «по отечеству» и служилых «по прибору».

В пределах этой классификации имел место сложный переплет различных классов, социальных прослоек и сословий феодального общества¹⁶.

Московские чины (в том числе царедворцы) и лица, служившие по московскому списку, относились к привилегированной верхушке класса феодалов. Остальные дворянские контингенты, служившие «по отечеству», состояли в своей массе из среднепоместных, а дети боярские — из мелкопоместных феодалов. Часть рейтар, копейщиков, гусар, за исключением верхушки, состоявшей из московских чинов, может быть отнесена к мелкопоместному дворянству. В известной степени к ним приближалась привилегированная прослойка «потешных» (гвардейских) и выборных солдат.

В ходе преобразований значительная часть перечисленных выше категорий феодалов, несших военную службу, влилась в ряды шляхетства.

Основная масса живущих в сельской местности рейтар, копейщиков, гусар, драгун и все пахотные солдаты приближались по своему положению к государственным крестьянам, но находились в более привилегированном положении, нежели последние в отношении государственных налогов и тяглых повинностей. В начале 20-х годов XVIII в. большинство из них было положено в подушный оклад и под именем однодворцев влилось в состав государственных крестьян.

Недворянские контингенты выборных и жилых солдат так же, как и другие категории служилых «по прибору» людей, живших в городах, приближались по своему положению к посадским людям с той, однако, существенной разницей, что они не несли всякого рода посадских повинностей. Сохраняя свои прежние служебные наименования, они почти до конца XVIII в. фигурировали под общим наименованием служилые люди «старых (прежних) служб». Сохранило свои прежние наименования также небольшое количество «приборных» людей, живших в сельских местностях.

Оговоримся, что термин «служилые люди старых (прежних) служб» претерпел в результате реформ изменения. До начала 20-х годов XVIII в. он охватывал всю совокупность военно-служилых людей войск прежней организации, оставшихся за преде-

¹⁶ Более подробно об этом см. канд. диссертацию автора данной работы «Судьбы служилых людей „старых служб“ и однодворцев в период формирования регулярной русской армии в первой четверти XVIII в.» (М., 1953).

лами регулярной армии. После введения подушного оклада этот термин был распространен лишь на тех из них, кто не вошел в состав шляхетства и однодворцев и сохранял свои прежние служебные наименования. Поскольку данная работа исследует состояние русского офицерства к началу 20-х годов XVIII в., термин «военные служилые люди старых (прежних) служб» понимается в расширительном смысле как вся совокупность военно-служилых людей, влившихся в состав регулярной армии и указавших в «сказках» и послужных списках принадлежность к тем или иным категориям войск старой организации до вступления в «регулярство».

В общей сложности среди офицерского состава насчитывалось 236 служилых людей «старых (прежних) служб» — 10,6% командного состава. В пехоте находилось 93 чел. (47 служилых «по прибору» и 46 служилых «по отечеству»), они составляли 7,2% пехотных офицеров; 143 чел. состояли в коннице (138 служилых «по отечеству» и 5 служилых «по прибору»). Их удельный вес в командном составе кавалерии составлял 14,6%.

То, что $\frac{3}{5}$ (61%) военных служилых людей «старых (прежних) служб» находилось в коннице, было вполне закономерно. При всех отличиях в вооружении и тактике регулярной кавалерии от конницы старой организации боеспособные кадры последней после краткосрочного переобучения можно было довольно легко приспособить к службе в новых условиях, в то время как перевод в пехоту требовал коренной переподготовки. К тому же откомандирование из кавалерии субъективно воспринималось как мера наказания, ущемлявшая престиж.

Из 236 служилых людей «старых (прежних) служб» $\frac{4}{5}$ (184 чел.) были служилыми «по отечеству». К ним относилось 20 чинов сотенной и полковой службы, 153 рейтара и копейщика, 9 тусар и 2 драгуна. Как видно, рейтары и копейщики составляли их основную массу (82%). Выходцами из рейтар, копейщиков и их детей было 5 штаб-офицеров (2 полковника и 3 майора), $\frac{2}{3}$ капитанов (20 из 31), $\frac{3}{4}$ поручиков (36 из 48), половина подпоручиков (14 из 28), более половины прапорщиков (38 из 61) и $\frac{2}{3}$ прочих офицерских чинов (40 из 63 чел.) — выходцев из служилых людей «старых (прежних) служб».

Что же касается служилых «приборных» людей, то их в общей сложности насчитывалось 52 человека: 38 из солдат, 10 из городских казаков, 3 из пушкарских чинов и 1 — из стрельцов. $\frac{9}{10}$ из них находились в пехоте и ни один не продвинулся по службе выше поручика. $\frac{2}{3}$ были строевыми офицерами, остальные принадлежали к «унтер-штабу».

Заслуживает внимания тот характерный факт, что только 1 из 2245 офицеров был выходцем из стрелецкой среды. Объяснялось это особенностями политики правительства в отношении стрельцов. После подавления восстания 1698 г. под Москвой и раскрытия заговора в Азове их руководители подверглись суровым

репрессиям. Были изданы указы о роспуске политически неблагонадежного Московского стрелецкого войска. Неудачное начало Северной войны вынудило Петра I сперва замедлить, а затем совершенно прекратить начавшуюся ликвидацию стрелецкого войска. Был не только реставрирован, но и сформирован вновь ряд стрелецких полков. Некоторые из них сохранились до 1713 г., а городовые стрельцы пережили Петра I. Вместе с тем наблюдается тенденция командования по возможности предохранить вновь формируемую регулярную армию от широкого проникновения неблагонадежного стрелецкого элемента. Однако в полной мере осуществить это не удалось. Уже в 1699 г. было разрешено приверстывать в солдатскую службу стрелецких родственников. В дальнейшем некоторые стрелецкие полки были переформированы в солдатские или влиты в них в качестве пополнения¹⁷.

Вынужденное в силу обстоятельств примириться с этим нежелательным явлением, командование регулярных войск не давало «ходу» отдельным выходцам из стрельцов. Поэтому лишь одному из них удалось пробиться в офицеры. Относительно него известно очень немного. Аудитор Олонецкого драгунского полка В. Р. Савинихин «в службу царского величества записан из недорослей стрелецких в 700-м году, в солдаты. А в 707 году из солдат определен в оный полк ротным писарем. А в 709 году пожалован полковым писарем, а из полковых в 715 году по указу его превосходительства генерала фон Рена пожалован аудитором. А скаски ево, за отлучением на канальную работу, не взято»¹⁸. Производство В. Р. Савинихина в 1709 г. в офицеры — полковые писари, несмотря на стрелецкое происхождение и сравнительно недолгое пребывание в Олонецком полку (около двух лет), вероятно, было следствием не только его грамотности, но и отличий в боевых действиях.

Наряду с дворянами и служилыми людьми «старых (прежних) служб» значительную прослойку в офицерском корпусе занимали выходцы из других сословий. В общей сложности их насчитывалось 316 чел. (299 в пехоте и 17 в коннице). Они составляли 13,9% командного состава, в том числе 1,7% офицеров конницы и 22,6% офицеров пехоты. Причем в последней к ним относился каждый двенадцатый капитан, каждый четвертый поручик и подпоручик и каждый тоетий прапорщик и офицер «унтер-штаба».

Основным каналом, по которому выходцы из непривилегированных сословий проникали в офицерский состав регулярной армии, было практиковавшееся во время Северной войны производство в офицерские чины особо отличившихся в боях унтер-офицеров и рядовых армейских полков. По далеко неполным данным, относящимся к коопусу адмирала Ф. М. Апраксина, за период

¹⁷ М. Д. Рабинович. Стрельцы в первой четверти XVIII в. — «Исторические записки», т. 58, 1956.

¹⁸ ЦГВИА, ф. 490, д. 6, л. 97.

1702—1711 гг. известно 255 случаев «пожалования» офицерских званий сержантам, урядникам и вахмистрам¹⁹. Как правило, им присваивался чин прапорщика или соответствующее ему звание офицера «унтер-штаба», но в отдельных случаях они производились сразу в подпоручики и даже поручики.

Основная масса вновь произведенных в офицеры (80%) оставалась в своих полках, использовалась для замещения вакантных должностей и являлась главным источником пополнения убыли в обер-офицерском составе. Около 20% (50 из 255) произведенных направлялись для прохождения службы в другие армейские части. Эта практика получила особенно широкое распространение в 1710—1711 гг., когда в связи с введением штата 1711 г. формировались, переформировывались и доукомплектовывались многие гарнизонные и полевые полки. Этим можно объяснить то, что на 1710—1711 гг. падает более половины всех известных случаев производства в корпусе Ф. М. Апраксина в офицеры из сержантов и урядников (135 из 255). Почти треть всех производств в офицеры приходится на драгунские части, хотя последние в корпусе Ф. М. Апраксина (насчитывавшем 17 полков) были представлены всего четырьмя полками.

Было бы неправильно считать большинство произведенных в офицеры унтер-офицеров и рядовых выходцами из непривилегированных сословий. Тем более, что в кавалерии удельный вес последних был невелик и основная масса пожалованных в офицерские чины принадлежала к дворянству или близким к нему категориям служилых людей «по отечеству». По имеющимся данным, в кавалерии было всего 17 офицеров, происходивших из других сословий.

Иначе обстояло дело в пехоте, где такие офицеры были в 33 из 34 полков, причем в среднем на пехотный полк приходилось 9 офицеров — выходцев из других сословий. Из 299 офицеров этой категории $\frac{4}{5}$ занимали строевые должности и $\frac{1}{5}$ относились к «унтер-штабу».

Это довольно пестрая, в социальном плане, группа может быть разделена на следующие категории: мелкие служилые люди гражданского ведомства; церковные служители и монастырские слуги; выходцы из тяглого населения города и деревни и дети всех перечисленных выше лиц.

Более подробное представление о них дает табл. 3.

Большинство офицеров — выходцев из мелких служилых людей — составляли бывшие подьячие (24 из 29 чел.). Свыше половины из них (13 из 24 чел.) относились к полковому «унтер-штабу». Стремясь укомплектовать полковые штабные и административно-хозяйственные должности людьми грамотными и знающими канцелярское делопроизводство, правительство специально набирало

¹⁹ Подсчеты сделаны на основе материалов ЦГАДА (Госархив, XX разр. д. 16, ч. 1).

Таблица 3

Число офицеров — выходцев из непривилегированных сословий

Социальное происхождение	Штаб-офицеры		Обер-офицеры						Всего
	подполковники	всего штаб-офицеров	капитаны	поручики	подпоручики	прапорщики	прочие офиц. чины	всего обер-офицеров	
I. Мелкие служилые люди гражданского ведомства и их дети									
подьячие	—	—	—	5 (1*)	3	3	13 (2)	24 (3)	24 (3)
конюшенные чины	—	—	—	1	1	2	—	4	4
ямщики	—	—	—	—	1	—	—	1	1
Итого	—	—	—	6 (1)	5	5	13 (2)	29 (3)	29 (3)
II. Церковные служители, монастырские слуги и их дети									
церковные служители	—	—	—	—	1	1	6 (2)	8 (2)	8 (2)
монастырские слуги	—	—	5	12	13	11	26 (4)	67 (4)	67 (4)
Итого	—	—	5	12	14	12	32 (6)	75 (6)	75 (6)
III. Тяглое население и их дети									
Городское население									
посадские	—	—	—	9	6	12	12	39	39
купцы	—	—	—	1	—	2	1	4	4
мастеровые	—	—	—	—	—	—	1	1	1
Итого горожан	—	—	—	10	6	14	14	44	44
Сельское население**									
однородцы	—	—	1 (1)	—	—	—	1 (1)	2 (1)	2 (1)
крестьяне	—	—	—	—	—	1	—	1	1
помещичьи	—	—	—	—	—	1	—	1	1
монастырские	—	—	1	—	—	1	—	2	2
ясажные	—	—	—	—	—	—	1 (1)	1 (1)	1 (1)

* В скобках указано «в том числе в кавалерии».

** Поскольку большинство помещиков были в деревнях, а зависимые от них дворовые и боярские люди не указывали в «сказках» местожительства, последние отнесены к сельскому населению.

Таблица 3 (окончание)

Социальное происхождение	Штаб-офицеры		Обер-офицеры						Всего
	подполковники	всего штаб-офицеров	капитаны	поручики	подпоручики	прапорщики	прочие офиц. чины	всего обер-офицеров	
без указания владельцев	—	—	—	—	1	1	—	2	2
дворовые люди	1	1	2	10	11	6	11 (2)	40 (2)	41 (2)
боярские "	—	—	11 (1)	26	22	32	25 (2)	116 (3)	116 (3)
задворные "	—	—	—	—	—	—	1 (1)	1 (1)	1 (1)
кабальные "	—	—	—	1	1	—	—	2	2
Итого сельских жителей	1	1	15 (2)	37	35	41	39 (7)	167 (8)	168 (8)
Итого тяглых людей	1	1	15 (1)	47	41	55	53 (6)	211 (8)	212 (8)
Итого выходцев из других сословий	1	1	20 (2)	65 (1)	60	72	97 (14)	315 (17)	316 (17)

с этой целью в армию бывших подьячих. Такой «разбор» подьячих был, например, в 1706 г., когда «из разных приказов выбрано было 20 чел.»²⁰. Обычно бывших подьячих брали в солдаты, затем определяли в ротные писари с последующим производством на вакантные должности полковых писарей. Это занимало в общей сложности от 3 до 10 лет. Около половины подьячих и их детей имели строевые офицерские чины.

Кроме бывших подьячих в числе офицеров — выходцев из мелких служилых людей — было 4 конюшенных чина и 1 ямщик. Все они занимали строевые офицерские должности.

Около четверти офицеров — выходцев из других сословий — составляли бывшие церковные служители, монастырские слуги и дети тех и других (75 из 316 чел.). В этот подсчет не включено так называемое «крестовое духовенство», т. е. штатные полковые священнослужители. Хотя последние и предусматривались штатом 1720 г., они фактически не являлись военнослужащими, получая жалованье из духовного ведомства и подчиняясь ему во всех отношениях. Из 75 чел. 8 были в прошлом церковными служителями

или их детьми, 2 принадлежали к строевому составу, а остальные имели чины «унтер-штаба».

Офицеров — выходцев из монастырских слуг и «служкиных детей» — было в общей сложности 67, из них 4 находились в кавалерии, остальные — в пехоте.

К концу Северной войны положение этой социальной группы претерпело коренные изменения. В XVI и отчасти в XVII в. монастырские слуги занимали по отношению к монастырским крестьянам командное положение, осуществляя над ними административную и полицейскую власть духовного феодала. С конца XVII в., особенно в первой половине XVIII в., они постепенно превращались в разновидность холопов и переходили на положение тяглых людей. По мнению специально занимавшейся изучением их судьбы З. А. Огризко, «эти перемены приблизили слуг к положению крестьян, подготовили включение бывших монастырских слуг в разряд государственных крестьян»²¹.

В XVII в. монастырские слуги в качестве даточных неоднократно привлекались к государственной военной службе. Ко времени создания регулярной армии некоторые из них уже прошли военное обучение. Так, капитан-поручик Вологодского пехотного полка К. А. Волдацов вступил в службу в 1693 г. «из воли своей из слуг монастырских в Преображенской полк», затем он был переведен в Лефортовский пехотный полк и с начала Северной войны находился в действующей армии. В 1706 г. его произвели в прапорщики²². Прапорщик Бутырского пехотного полка Р. Волков, происходивший из монастырских людей, начал военную службу в 1696 г. Он участвовал в Северной войне и в подавлении Астраханского и Булавинского восстаний²³. Командование охотно использовало подобных людей при формировании регулярной армии. Постепенно в «регулярство» была втянута основная масса боеспособных представителей этой социальной группы.

Более трети выходцев из монастырских слуг и «служкиных детей» занимали должности «унтер-штаба». Остальные имели строевые звания.

Большинство офицеров — выходцев из городского тяглого населения — составляли бывшие посадские люди (39 из 44 чел.). Около половины из них указали в своих «сказках» и послужных списках города, из которых были взяты в службу: 5 — из Москвы, 3 — из Ярославля, 2 — из Новгорода и по 1 — из Вологды, Елатмы, Муром, Суздаля, Твери, Шуи, Юрьевца-Повольского. Около четверти посадских (9 из 39 чел.) вступили в службу добровольно до 1700 г., остальные были набраны в армию в качестве даточных с городского населения в начале Северной войны. Двое

²⁰ ЦГВИА, ф. 490, д. 3, л. 122.

²¹ З. А. Огризко. Слуги Спасо-Прилуцкого монастыря XVI—XVII вв. — В кн.: «Из истории крестьянства XVI—XIX вв.» М., 1955, стр. 30.

²² ЦГВИА, ф. 490, д. 34, л. 71.

²³ Там же, д. 32, л. 50.

из добровольцев прослужили к моменту составления «сказок» в 1720 г. более 25 лет в Лефортовском пехотном полку. Их биографии заслуживают более подробного рассмотрения.

Полковой профос этого полка Ф. Стромынцев определился в службу в 7200 (1692) г. Он принимал участие в Кожуховских маневрах и Азовских походах, а в 1700 г. сражался под Нарвой. Затем он воевал в Прибалтике, под Гродно и на Украине. В 1711 г. его произвели в профосы Лефортовского полка²⁴. Подпоручик того же полка А. М. Соколов в 7203 (1695) г. «шел в службу е. ц. в. в солдаты своею охотой ис посацкого чину в Лефортовский полк». Он был участником Азовских походов и всех боев своего полка в Северную войну. В 1711 г. он получил чин прапорщика, а еще через 10 лет — подпоручика²⁵. Таким образом, первый из них был награжден офицерским чином через 19, а второй — через 16 лет службы в одном и том же полку. К моменту составления «сказок» офицеры — выходцы из посадских людей — имели значительный стаж армейской службы: 13 чел. прослужили по 15 лет, 23 — от 16 до 20 лет и 3 чел. — от 21 до 28 лет.

Наряду с посадскими людьми среди офицеров было 4 выходца из купечества и 1 — дому боярина Л. К. Нарышкина «Каширского уезду з железных заводов мастеровской сын», полковой обозный Нижегородского пехотного полка Д. П. Остров. Все офицеры — выходцы из городского тяглого населения — служили в пехоте: $\frac{2}{3}$ были строевыми командирами, остальные занимали должности «унтер-штаба». Никто из них не продвинулся в чинах выше поручика.

Половина офицеров, происходивших из других сословий, принадлежали к выходцам из сельского тяглого населения (168 из 316 чел.). 90% последних составляли боярские люди — 116 чел. и дворовые — 41 чел.

Значительное количество офицеров из бывших боярских людей можно, казалось бы, объяснить тем, что они по аналогии со средневековыми «большими холопами» могли сопровождать своих господ в походах в составе поместной конницы и, будучи обучены военному делу и имея боевой опыт, быстро продвинулись среди новобранцев регулярной армии. Однако знакомство с биографиями офицеров из боярских людей заставляет отказаться от этой заманчивой гипотезы. Только 1 из 116 чел. (квартирмейстер Бутырского полка В. Мальцев) указал в своей «сказке» о пребывании в вооруженных силах до начала формирования регулярной армии. Изучение автобиографий офицеров, происходивших из боярских людей и дворовых, показывает, что к моменту вступления в регулярство между ними не существовало никакой разницы в уровне предшествующей боевой подготовки: и те, и другие были необученными новобранцами.

²⁴ ЦГВИА, ф. 490, д. 37, лл. 82, 83.

²⁵ Там же, лл. 103, 104.

Не прослеживается между ними значительных различий и в социально-экономическом плане, так как они были разнообразными одной и той же прослойки холопов — барской дворни. При введении подушного оклада правительство очень четко разграничило деловых людей, «которые своей пашни не имели, а пашут на помещиков своих» (сенатский указ 22 января 1719 г.) от холопов, в том числе от «слуг и служебников и прочих людей, кои ни на себя, ни на вотчинников пашни не пашут... а имеют пропитание токмо денежною и хлебною дачею» (сенатский указ 1 июня 1722 г.)²⁶. Первые были положены в подушный оклад, а вторые от него освобождены. В числе последних оказались боярские люди и дворовые.

В отдельных «сказках» и послужных списках применительно к одному и тому же человеку фигурируют оба эти наименования. Поручик Рязанского пехотного полка Ф. Панов был взят в службу в 1704 г. «из дворовых боярских людей» помещика Б. И. Чемоданова²⁷. Прапорщик того же полка С. Жуков в 1700 г. «шел в солдаты в первую вольницу из дворовых боярских людей». Прапорщик Ростовского пехотного полка Л. Г. Соловьев в 1700 г. «из боярских дворовых людей волею в службу пошел 20 лет»²⁸.

Из сказанного выше ясно, что между боярскими людьми и дворовыми в начале 20-х годов XVIII в. не было существенной разницы. Видимо, можно говорить лишь о различных вариантах самоназвания, порождающих своеобразные словесные гибриды, вроде указанных выше. По неполным сведениям²⁹ время и способ вступления в службу в вооруженные силы офицеров — выходцев из боярских людей и дворовых — рисуется следующим образом (табл. 4).

Из приведенных сведений явствует, что подавляющее большинство офицеров — выходцев из боярских людей и дворовых — влились в регулярную армию в 1699—1704 гг. (115 из 119). К моменту составления «сказок» и послужных списков они имели солидный армейский стаж: 24 года — 1 чел.; 21 год — 4; 20 лет — 80; 19 лет — 5; 18 лет — 3; 17 лет — 15; 16 лет — 2 чел. 56,8% вступили в военную службу добровольно. Причем среди боярских людей добровольцы составляли 60%, а среди дворовых — половину.

²⁶ ПСЗ, т. V, № 3287, стр. 619; т. VI, № 4026, стр. 717.

²⁷ Примечательно само словосочетание «из боярских дворовых людей помещика Б. И. Чемоданова». Понятие «боярский» не отнесено здесь непосредственно к представителю феодальной аристократии, а выступает как синоним слова «барский», т. е. свидетельствует о принадлежности человека определенному барину. На это обстоятельство обратил в свое время внимание В. И. Даль: «Боярин... ныне барин... боярский, барский» (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, М., 1955, стр. 121.).

²⁸ ЦГВИА, ф. 490, д. 41, лл. 38, 49, 49 об.; д. 36, л. 157.

²⁹ Имеются данные о 119 из 157 чел.; о 38 чел., в том числе о 27 боярских людях и 11 дворовых людях, материалов не сохранилось.

Таблица 4

Число офицеров — выходцев из боярских и дворовых людей

Год вступления в военную службу	Из боярских людей		Из дворовых		Всего	В том числе добровольцев
	всего	в том числе добровольцев	всего	в том числе добровольцев		
1696	1	1	—	—	1	1
1699	3	1	—	—	3	1
1700	60	38	20	12	80	50
1701	4	3	1	—	5	3
1702	2	1	1	1	3	2
1703	12	7	3	1	15	8
1704	5	2	4	—	9	2
1705	1	—	—	—	1	—
1706	1	—	—	—	1	—
1707	—	—	1	1	1	1
Итого	89	53	30	15	119	68

Самый большой стаж военной службы был у названного выше полкового квартирмистра Бутырского пехотного полка В. Мальцева, вступившего в армию добровольцем из боярских людей в 1696 г. 12 лет он прослужил рядовым и сержантом, участвовал во всех боях своего полка. В 1708 г. его произвели в прапорщики. К 1720 г. он был квартирмистром того же полка³⁰.

Из всех офицеров — выходцев из боярских людей и дворовых — самую быструю карьеру сделал полковой обозный Нарвского пехотного полка Д. Татаринов. В своей «сказке» он сообщал, что «сначала записался я из вольных людей, а отец мой родом был торк черный и взят был в малых летех при Терке в полон». В Москве отец, как и он сам, жил в доме воеводы князя В. И. Щербатова «бес крепостей».

Полк, куда вступил в мае 1700 г. Татаринов, только формировался. Был большой некомплект офицерского состава, и, в частности, оказалось вакантным место полкового писаря. Татаринова как хорошо грамотного в том же мае 1700 г. назначили временно на офицерскую должность полкового писаря. Поскольку он ей соответствовал, то оставался на этом посту до 1706 г., когда был ранен и после излечения назначен полковым обозным Нарвского пехотного полка. Д. Татаринов был участником боев в Прибалтике, Польше и под Полтавой³¹.

³⁰ ЦГВИА, ф. 490, д. 32, л. 47.

³¹ Там же, д. 49, лл. 114, 115 об.

Единственным выходцем из боярских людей и дворовых, которому удалось дослужиться до штаб-офицерского чина, был подполковник Ингерманландского пехотного полка Г. Л. Баскаков. О нем известно следующее. По набору А. А. Вейде «в прошлом 700-м году... записался в солдаты в службу ц. в. волею из дворовых людей». Поскольку Баскаков был грамотный и имел склонность к военному делу, его сразу назначили сержантом. Он участвовал в первой и второй осадах Нарвы, за боевые заслуги пожалован прапорщиком, а в 1705 г. за отличие, минуя очередной офицерский чин, из прапорщиков «пожалован от ц. в. в Гродно в порутчики и был в отаке». В 1707 г. он стал капитаном. В дальнейшем воевал под Лесной, Чигирином и под Полтавой. В 1711 г. после Прутского похода Баскакова произвели в майоры, а в 1712 г. после атаки Штетина — в подполковники. В этом чине он принимал участие в боях «на Стехольмской стороне под местечком Судартелью и под Иоркопенгом»³². Биография Г. Л. Баскакова типична для остальных его собратьев — выходцев из дворовых и боярских людей. Правда, ему удалось значительно выше других продвинуться по служебной лестнице. В этом сыграло определенную роль то немаловажное обстоятельство, что он был лично известен А. Д. Меншикову и вся его служба с 1703 г. проходила в Ингерманландском полку, которым командовал «светлейший». Интересно, что именно в этом полку была самая большая в полевых войсках прослойка офицеров — выходцев из «прочих сословий»: они составляли около 1/3 командного состава (18 из 56 чел.).

Многие из подобных офицеров получили свои чины за выдающиеся подвиги и боевые заслуги.

Поручик Азовского пехотного полка П. Г. Голосков в 1700 г. «записался в солдаты из людей боярских волею своею». Он воевал в Прибалтике. В 1706 г. был «командирован на лотках испомянутого полка с Михайлой Ивановичем Щепотевым штурмовать неприятельскую шкуту, и оную шкуту взяли. И на оном штурме я ранен. И за взятие оной шкуты и за рану по именному е. ц. в. указу того же году ноября 8 дня пожалован из рядовых в Азовской полк прапорщиком»³³.

Поручик Казанского пехотного полка А. Ф. Мишин начал служить в 1700 г. добровольцем из боярских людей. Он был участником боев под Нарвой и в Прибалтике. В 1704 г. при штурме Дерпта получил несколько тяжелых ранений: «И за оные мои службы и раны написан в капралы». В 1709 г. его произвели в прапорщики. В 1715—1716 гг. он находился в шведском плену и оттуда бежал³⁴.

Прапорщик Шлиссельбургского пехотного полка М. Мелентьев «из людей боярских помещика Челятина» в 1709 г. под Полтавой

³² Там же, д. 54, л. 166—166 об.

³³ Там же, д. 40, л. 85.

³⁴ Там же, д. 38, л. 84—84 об.

овладел тремя шведскими знаменами. В 1714 г. он участвовал в abordage вражеского фрегата. В 1719 г. был произведен в прапорщики³⁵.

Офицеры — выходцы из боярских людей и дворовых — проявляли свою преданность абсолютистскому режиму также и в борьбе с «внутренним врагом». Капитан Новгородского пехотного полка В. М. Антонов «из дворового чину» в 1705 г. произведен в прапорщики. В 1705 г. он был отправлен парламентарем к восставшим астраханцам, сидел у них под караулом 5 суток. «И выводили меня в круг по дважды на день, приговаривали убить и в воду меня посадить. А потом отпустили с отпискою до господина фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева. Да в Астрахане во время смятения на штурме был... и за оный штурм и за посылку произведен в поручики...»³⁶

Люди, подобные Антонову, зарекомендовали себя не только как храбрые квалифицированные военные специалисты, но и как преданные правительству каратели, подавлявшие выступления трудящихся масс, из рядов которых они вышли сами. Учитывая военную ценность подобных кадров и их преданность, доказанную в боях с внешними и внутренними врагами, правительство при введении в 1722 г. Табели о рангах включило в состав служилого дворянства выходцев из непривилегированных сословий, достигших офицерских чинов.

К концу Северной войны среди 2245 офицеров полевых полков 281 чел. (12,6%) был из числа иностранцев. Пропорция эта довольно точно повторялась по отдельным родам войск: в пехоте — 162 из 1282 чел. (12,6%), в кавалерии — 119 из 963 чел. (12,5%). Следовательно, фактически численность иностранцев в русской армии была в 2,5 раза ниже, разрешаемой штатом 1711 г.³⁷ Вместе с тем среди штаб-офицерского состава иностранцев было около трети (62 из 196 чел.), причем к ним принадлежала почти половина полковников.

Офицеров-иностранцев можно подразделить на две категории: на натурализовавшихся в России в XVII в. и на пришедших в русскую армию во время Северной войны. К первым относились иностранцы «старых выездов», обосновавшиеся в России до начала формирования регулярной армии в 1699—1700 гг., их дети и «новокрещены», т. е. лица, принявшие православие. Ко вторым принадлежали иностранцы «новых выездов», принятые в русскую армию после начала Северной войны, и военнопленные шведы, перешедшие на русскую службу (табл. 5).

Иностранцы «старых выездов», их дети и «новокрещены» в общей сложности составляли 40% иностранных офицеров на русской

³⁵ ЦГВИА, ф. 490, д. 61, л. 217.

³⁶ Там же, д. 48, л. 35 об.

³⁷ Штат 1711 г. установил, что в полевых войсках может быть $\frac{2}{3}$ русских и $\frac{1}{3}$ иностранных офицеров (ПСЗ, т. IV, № 2319, стр. 690).

Таблица 5

Число офицеров-иностранцев на русской службе

Категория иностранцев	Штаб-офицеры				Обер-офицеры						Всего
	полковники	подполковники	майоры	итого штаб-офицеров	капитаны	поручики	подпоручики	прапорщики	прочие офиц. чины	итого обер-офицеров	
Иностранцы «старых выездов»											
в пехоте	5	6	2	13	18	4	6	3	4	35	48
в кавалерии	2	4	2	8	3	4	—	—	—	7	15
Итого	7	10	4	21	21	8	6	3	4	42	63
Иностранческие дети											
в пехоте	5	2	3	10	4	2	5	7	2	20	30
в кавалерии	—	—	—	—	1	1	—	5	1	8	8
Итого	5	2	3	10	5	3	5	12	3	28	38
«Новокрещены»											
в пехоте	—	1	3	4	2	—	3	1	1	7	11
в кавалерии	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	—	1	3	4	2	—	3	1	1	7	11
Иностранцы «новых выездов»											
в пехоте	4	5	6	15	15	8	4	7	19	53	68
в кавалерии	5	5	2	12	36	13	5	4	21	79	91
Итого	9	10	8	27	51	21	9	11	40	132	159
Военнопленные шведы, перешедшие на русскую службу											
в пехоте	—	—	—	—	—	—	—	—	5	5	5
в кавалерии	—	—	—	—	—	1	—	—	4	5	5
Итого	—	—	—	—	—	1	—	—	9	10	10
Всего иностранцев											
в пехоте	14	14	14	42	39	14	18	18	31	120	162
в кавалерии	7	9	4	20	40	19	5	9	26	99	119
Итого	21	23	18	62	79	33	23	27	57	219	281

службе. Большинство из них давно обосновались в России. Подполковник Архангелогородского пехотного полка П. Г. Марселиус писал в своей «сказке», что дед его выехал из Дании еще при царе Михаиле Федоровиче, а отец служил полковником³⁸. Полковник Казанского пехотного полка Ф. Буларт начал службу в 1674 г. прапорщиком. Его дед прибыл из Франции при царе Алексее Михайловиче³⁹. Аналогичные сведения дали и другие офицеры, в том числе генерал-майор А. П. Гордон, сын известного деятеля Петровского времени Патрика Гордона, и др.

Фактически подобные офицеры стали частью русского правящего класса. Они были приравнены к русскому командному составу соответствующих чинов по денежным окладам. Некоторые были пожалованы придворным званием стольника: полковники Т. Х. Гундертмарк, И. И. Лесли, З. М. Вестов, Д. Я. Мейн. Вместе с тем между ними и русскими офицерами сохранялось одно существенное различие. Те из иноземцев, которые придерживались неправославного вероисповедания, не получали от казны поместий и вотчин и не имели права владеть православными крепостными. Поэтому офицеры-иноземцы, кроме «новокрещенов», указывали в своих «сказках» и послужных списках, что лично не имеют поместий, вотчин и крепостных.

После формирования в 1700 г. первых полков регулярной пехоты и нарвского поражения правительство предприняло чистку состава офицеров-иноземцев.

По отношению к изменникам, перешедшим на сторону врага, применялась «политическая казнь». Так поступили с немцем капитаном И. Гумертом. 17 декабря 1700 г. «указал в. г. приказ в Новонемецкой слободе у ворот двора вора и изменника Ивашка Гумора поставить виселицу тотчас сего числа из Ратуши. И вам бы, бурмистрам, учинить о том по вышеписанному е. в. г. указу»⁴⁰.

Иноземцам, пожелавшим оставить русскую службу и непригодным к ней, было разрешено вернуться на родину. В то же время были оставлены на своих постах положительно зарекомендовавшие себя полковники и офицеры-иностранцы. Поскольку в начале Северной войны русский командный состав и иноземцы «старых выездов» не располагали достаточным опытом ведения войны в европейских условиях, правительство предприняло энергичные меры по привлечению на русскую службу квалифицированных иностранных военных специалистов. Причем последние в отношении жалования были поставлены в весьма привилегированные условия: полковник-иноземец «новых выездов» получал ежемесячное жалованье 49 руб., в то время как полковникам из русских и иноземцев «старых выездов» платили по 24 руб. Подполковник

«новых выездов» получал 29 руб. 16 алт. 2 ден., подполковник «старых выездов» — 14 руб. 6 алт. 4 ден., а русский подполковник — 12 руб.⁴¹

При поступлении на русскую службу иноземцы «новых выездов» должны были представить письменное согласие своего правительства на переход в русскую армию и документы о производстве в офицерские чины. Кроме того, учитывались боевой опыт и знание русского или какого-либо из близких к нему славянских языков⁴².

По приезду иноземцев в Россию производился их смотр, свидетельствовалось состояние здоровья, проверялись представленные документы и устанавливалась военная квалификация. В зависимости от всего этого со вступающим в русскую службу офицером заключалась «капитуляция». В ней указывался чин, присваиваемый в русской армии, и устанавливался денежный оклад.

В начале Северной войны, когда ощущался особенно острый недостаток командных кадров с боевым опытом, имели место случаи присвоения вновь прибывшим иноземцам чинов более высоких, нежели они имели в своих армиях. В 1702 г. француз О. И. Ролант «ис порутчиков от кавалерии дробантов... на Москве определен в капитаны в Нижегородской драгунской полк». В 1706 г. австрийский прапорщик И. К. Паргер был по распоряжению А. Д. Меншикова назначен поручиком в Киевский драгунский полк⁴³.

В дальнейшем иноземные офицеры стали приниматься на русскую службу с тем же чином, какой имели в своих армиях. В 1709 г. И. И. де Обе «выехал из капитанов цесарской службы» и был назначен капитаном Сибирского драгунского полка⁴⁴. При этом практиковалась выплата иноземцам «новых выездов» жалованья, установленного для соответствующих чинов иноземцев «старых выездов». В 1719 г. брандербуржец В. Мей был принят в русскую армию. В «капитуляции» ему был установлен чин и оклад капитана «новых выездов». Фактически он получал жалованье, положенное капитану «старых выездов». Австрийцу капитану «новых выездов» Ф. Розену платили в 1718—1721 гг. по 11 руб. вместо 17 руб. в месяц⁴⁵.

В первый период Северной войны «капитуляции» с иноземцами, до подполковника включительно, заключали начальники московских приказов, русские послы в европейских странах, генералы, командовавшие войсковыми соединениями. В дальнейшем на прием в русскую армию иностранных штаб-офицеров требова-

³⁸ ЦГВИА, ф. 490, д. 58, л. 76 об.

³⁹ Там же, д. 38, л. 66—66 об.

⁴⁰ П. О. Бобровский. История лейб-гвардии Преображенского полка, т. I. СПб., 1900, Приложения, стр. 173.

⁴¹ ЦГВИА, ф. 490, д. 55, лл. 105, 106, 150, 150 об.; д. 36, л. 12; д. 37, л. 65 об.

⁴² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 42535, лл. 391, 392, 414—416, 514, 515.

⁴³ ЦГВИА, ф. 490, д. 27, лл. 120 об., 126.

⁴⁴ Там же, д. 26, л. 7 об.

⁴⁵ Там же, д. 27, лл. 159, 161; д. 8, л. 161.

лось согласие царя. Сообщая о просьбе одного из иноземцев о зачислении на русскую службу, Б. П. Шереметев писал в 1715 г. Петру I: «А я без указу в. в. капитулировать ево не посмел, и буду ожидать от в. в. указу. А оный рядился без меня в Рославле и ныня, где он обретається пасейчас, не сведом»⁴⁶.

Наряду с иноземными офицерами на русскую службу принимались так называемые «волонтиры», т. е. иностранцы-добровольцы, не имевшие офицерских чинов, или не располагавшие соответствующими документами. В этих случаях они зачислялись рядовыми. Так, А. И. Корф в 1709—1712 гг. был «волонтиром», в 1712 г. назначен унтер-офицером, в 1715 г. «пожалован прапорщиком. И с вышеупомянутого числа, — писал он, — получаю трактомент в. ц. в. иноземческой против своей братии прапорщиков нововыезжих»⁴⁷.

В ходе Северной войны в русскую армию приверстывались некоторые из военнопленных шведов. 9 февраля 1705 г. последовал указ принять на русскую службу 67 пленных шведских артиллеристов, взятых под Ивангородом и Нарвой⁴⁸. После Полтавской битвы количество военнопленных шведов на русской службе возросло. Некоторым из них, главным образом из числа военных специалистов (артиллеристов, инженеров, врачей), были присвоены русские офицерские чины, а видный полководец Шлиппенбах был произведен в генерал-лейтенанты, пожалован поместьем в Курляндии и русским баронским титулом. В 1721 г. в связи с окончанием Северной войны многие из состоявших на русской службе военнопленных шведов возвратились на родину. Поэтому в «сказках» и офицерских послужных списках их названо всего 10 чел.: 1 поручик и 9 чинов «унтер-штаба» (в основном врачи).

*

При характеристике имущественного положения офицеров полевой армии в 1720—1721 гг. необходимо учитывать следующие обстоятельства.

Многолетний отрыв от своих домов и хозяйства, обусловленный Северной войной, сложное и запутанное землевладение приводили к тому, что ряд офицеров, ссылаясь на слабую память и отсутствие соответствующих документов, отказывались сообщать сведения о количестве принадлежавших им крестьянских дворов и о размерах пашни в поместьях и вотчинах.

Вот некоторые свидетельства такого рода. Капитан Луцкого драгунского полка В. В. Вымдонский «испомещон в Новгородском уезде, а что за мною в даче крестьянских дворов и четвертной пашни, того сказать не упомяну». Тот же ответ дал прапорщик

⁴⁶ ЦГАДА, Кабинет Петра I, Отд. II, кн. 24, л. 752.

⁴⁷ ЦГВИА, ф. 490, д. 3, л. 225, 225 об.

⁴⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 36, л. 130.

Тверского драгунского полка Г. Д. Моложенинов; майор Новотроицкого драгунского полка И. Д. Калугин отказался сообщить о размере своих владений ссылаясь на то, что соответствующие документы у него сгорели⁴⁹, и т. д.

Однако даже в тех случаях, когда опрашиваемые писали о размерах землевладения и количестве принадлежавших им крестьянских дворов и крепостных душ⁵⁰, эти данные не соответствовали действительному положению к 1720—1721 гг. Объяснялось это тем, что авторы «сказок» оперировали, главным образом, цифровыми показателями переписей 1678, 1698, 1709 гг. и изредка 1715 г.

Все это исключает возможность сопоставимой статистической разработки сведений о размерах поместий и вотчин и количестве крепостных, принадлежавших офицерам полевой армии в 1720—1721 гг., и вынуждает ограничиться подразделением последних на четыре группы: 1. Владеют землей и крепостными, разумея под этим все виды существовавшего в то время землевладения и душевладения. 2. Не владеют сами, но владеют родственники. 3. Не владеют ни сами, ни родственники. 4. Не указали свое имущественное положение.

Количественное представление о всех этих группах дает табл. 6.

Таблица 6
Владение офицерами земель и крепостными
(по данным 1720—1721 гг.)

Степень владения	Число офицеров					
	в пехоте		в кавалерии		всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Владеют землей и крепостными	449	34,8	569	58,9	1018	45,3
Не владеют сами, но владеют родственники	216	16,6	202	19,9	418	18,5
Не владеют ни сами, ни родственники	601	47,2	172	18,9	773	35
Не указали свое имущественное положение	16	1,4	20	2,3	36	1,2
Итого	1282	100	963	100	2245	100

⁴⁹ ЦГВИА, ф. 490, д. 2, л. 93; д. 4, л. 52; д. 5, лл. 158, 159.

⁵⁰ Авторы «сказок» очень четко проводили грань между различными оттенками существовавших в то время видов землевладения и душевладения. Например, поручик Архангелогородского пехотного полка И. Т. Киселев писал: «А поместий и вотчин, крестьян и людей и земли за мною нет справленого. И которые отца моего поныне справлены — все за большим моим братом» (там же, д. 58, л. 98).

Как видно из таблицы, около половины офицерского состава (1018 из 2245 чел.) владели землей и крепостными: они составляли более $\frac{1}{3}$ командного состава пехоты (449 из 1282 чел.) и примерно $\frac{3}{5}$ офицеров кавалерии (569 из 963 чел.). Источниками их существования были должностные оклады и средства, поступавшие с поместий и вотчин, если они приносили доходы.

У $\frac{1}{5}$ офицеров (418 из 2245 чел.), не владевших лично землей и крепостными, последние имелись у родственников. Поэтому сверх служебных окладов для них не была исключена возможность получения какой-то доли дохода от эксплуатации труда крепостных.

У более чем $\frac{1}{3}$ командных кадров не было земли и крепостных ни у самих, ни у родственников. Единственным источником существования для них было казенное жалованье. Для большинства офицеров второй группы помощь, получаемая от родственников, носила эпизодический характер и они мало чем отличались от своих собратьев из третьей группы.

Поэтому обе эти категории можно объединить. В общей сложности беспоместные и бескрестьянские офицеры составляли 53,5% командного состава (1191 из 2245 чел.). Удельный вес их в пехоте достигал почти $\frac{2}{3}$ (817 из 1282 чел.), а в кавалерии $\frac{2}{5}$ (374 из 965 чел.).

После этих предварительных замечаний необходимо рассмотреть имущественное положение офицеров по отдельным социальным группам.

Из «сказок» и послужных списков видно, что из 52 служилых «по прибору» никто не владел землей и крепостными.

Не имело их также 315 из 316 выходцев из других сословий. Имущественное положение этой социальной группы очень четко сформулировал профос Вологодского пехотного полка Е. Н. Замятин: «А поместий и вотчин за мною нет и не бывали, понеже я был человек боярской»⁵¹.

Единственным представителем данной прослойки, имевшим землю и крепостных, был уже знакомый нам выходец из дворовых подполковник Ингерманландского пехотного полка Г. Л. Баскаков. В своей «сказке» он сообщил: «а поместья за собою не имею. Только в Псковском уезде вотчинной земли 80 четвертей да дворовых людей 4 семьи»⁵². Вероятно, Г. Л. Баскаков получил землю и крепостных в качестве приданого при женитьбе.

Из 281 иноземца 11 чел., ставших «новокрещенами» и получивших права русского дворянства, имели землю и крепостных. У 14 человек из числа иноземческих детей имуществом владели родственники.

Обратимся теперь к выходцам из дворян. Из 1390 дворян почти $\frac{2}{3}$ (916 чел.) имели землю и крепостных. Причем в

⁵¹ ЦГВИА, ф. 490, д. 34, л. 71.

⁵² Там же, д. 54, л. 156.

пехоте их численность превышала $\frac{2}{3}$ (421 из 708 чел.), а в кавалерии составляла почти $\frac{3}{4}$ (495 из 682 чел.) офицеров-дворян.

Однако эти количественные показатели нуждаются в пояснениях. Из «сказок» и послужных списков нельзя получить представления о размерах дворянского землевладения, так как опрашиваемые офицеры зачастую, называя количество принадлежащих им дворов, не помнили данных о величине своих земельных угодий.

Даже тогда, когда сообщались зафиксированные в переписных книгах данные о количестве крестьянских дворов, принадлежавших офицерам-дворянам, они обычно не соответствовали действительному имущественному положению этой части командного состава. За прапорщиком Белгородского пехотного полка князем Щетиновым по переписным данным числилось 27 дворов, «а из оного числа бежало 14 дворов»⁵³. Капитан Великолуцкого пехотного полка Б. Глазатый показал, что из 20 дворов, числившихся за ним в Бежецком и Галицком уездах, «ныне налицо ничего нет, понеже оные померли и бежали». В уезде Переяславля Рязанского у него из восьми дворов налицо оказался только один⁵⁴. У капитана Московского пехотного полка М. Хрущева из 12 дворов в Рязанском уезде остался только один, а в Шуйском уезде оказались в бегах все крестьяне значившихся за ним шести дворов⁵⁵. Подробности упадка офицерского крепостного хозяйства содержит «сказка» капитана Казанского пехотного полка В. Горбатова, за которым числилось 12 крестьянских и бобыльских дворов. «Из оного числа крестьянин Павел, бегаячи, живет в дворцовой государевой волости в селе Павловском... И об отдаче того беглого крестьянина Павла в вышеупомянутое село Павловское к прикащику Ивану Афросимову в. г. указ из Судного дворцового приказу был послан. И оный прикащик помянутого мужика не дал». Другой беглый крестьянин жил за князем И. О. Щербатовым. Четверо крестьян «померли на государевой работе на Ладейном поле», один находился в Новобогородицком уезде «у судовой работы»; «да по зделке досталось крестьянских два двора Миките Карцеву». В итоге — за Горбатовым по переписным книгам 1709 г. осталось только 3 крестьянских двора⁵⁶.

Подобные факты содержались во многих других «сказках». При таком состоянии крепостного хозяйства дворяне-офицеры, многие годы оторванные от своих имений, не могли регулярно получать оттуда значительные доходы. Поэтому главным источником их существования было казенное жалованье.

⁵³ Там же, д. 59, л. 87 об.

⁵⁴ Там же, д. 51, л. 55 об.

⁵⁵ Там же, д. 53, л. 69 об.

⁵⁶ Там же, д. 38, лл. 79, 80.

У одной четверти дворян (340 чел.) именными владели родственники. В прошлом это были, главным образом, недоросли. В своих «сказках» многие из них ссылались на то, что не вступили во владение именными.

Определенную роль в фактическом исчезновении у подобных офицеров их имений сыграл указ о единонаследии 1714 г. В литературе давно сложилось мнение, что этот законодательный акт не проводился в жизнь и фактически остался на бумаге. Однако «сказки» и послужные списки 30 офицеров (22 в пехоте и 8 в кавалерии) ставят под сомнение это утверждение. Подполковник Воронежского пехотного полка Г. Барыков писал: «Испомещен в Коломенском уезде, и что по переписным книгам дворов — о том неизвестен, понеже оные деревни справлены по наследию за большим братом»⁵⁷. Капитан Нарвского пехотного полка князь О. Барятинский сообщил: «А поместья и вотчин за мною нет, понеже отец наш в недвижимых имениях учинил наследником младшего брата моего»⁵⁸. Подпоручик Ростовского пехотного полка В. Ф. Панов прямо ссылался на указ о единонаследии: «А поместья и вотчин, которые остались после смерти отца нашего, и теми поместьями по наследству владеет по указу ц. в., каков состоялся в 714 году, брат мой большой, а за мной поместья и вотчин никаких нет»⁵⁹. То же свидетельствовал подполковник Нарвского пехотного полка И. Левшин⁶⁰.

Вместе с тем известен случай, когда данный указ укрепил имущественное положение армейского офицера. Капитан Ростовского пехотного полка Чемесов сообщил: «А поместья и вотчины по указу ц. в., каков состоялся в 1714 году, по наследству после смерти отца нашего за мною, которыми ныне владею в Арзамасском уезде — 12 дворов, в Курмышском уезде — 17 дворов, в Алаторском уезде — 15 дворов»⁶¹.

Если суммировать 30 указанных в офицерских «сказках» случаев практического применения указа о единонаследии 1714 г., то можно сделать следующие наблюдения (табл. 7).

Как видно из таблицы, только один из 30 офицеров указал, что наследство досталось непосредственно ему. В 24 «сказках» сообщалось, что наследство передано родственникам, главным образом братьям (обычно старшим: в 16 из 22 случаев). В пяти «сказках» упоминалось, что после смерти отца наследники не назначены.

Разумеется, сообщаемые в офицерских «сказках» тридцать случаев применения указа о единонаследии 1714 г. недостаточны для того, чтобы на их основании делать далеко идущие выводы.

⁵⁷ ЦГВИА, ф. 490, д. 33, л. 33 об.

⁵⁸ Там же, д. 49, л. 95—95 об.

⁵⁹ Там же, д. 56, л. 150 об.

⁶⁰ Там же, д. 49, л. 105 об.

⁶¹ Там же, л. 131.

Таблица 7

Влияние указа 1714 г. о единонаследии на имущественное положение офицеров — выходцев из различных слоев дворянства в полевых войсках

Наследники	Число офицеров			
	из феодальной аристократии	из шляхетства	из недорослей	всего
Податели «сказок»	—	—	1	1
Их родственники				
старшие братья	6 (3) *	5 (2)	5 (2)	16 (7)
другие "	2	1	3 (1)	6 (1)
прочие родственники	—	—	2	2
и того родственников	8 (3)	6 (2)	10 (3)	24 (8)
Не назначены	—	2	3	5
Итого	8 (3)	8 (2)	14 (3)	30 (8)

* В скобках указано: «в том числе в кавалерии».

Однако они позволяют утверждать, что этот указ проводился в жизнь и сыграл определенную роль в перераспределении феодальной собственности.

Менее чем у 1/10 дворян (127 чел.) не было земли и крепостных ни у них самих, ни у родственников, причем в кавалерии их было 28 чел. (около 2% дворян-офицеров).

Таблица 8

Владение служилыми людьми «по отечеству» землей и крепостными (по данным 1720—1721 гг.)

Степень владения	Число				
	рейтар и копейщиков	гусар	драгун	чинов сотенной службы	всего
Владеют землей и крепостными	67 (27) *	8	—	12	87 (27)
Не владеют сами, но владеют родственники	59 (18)	1	—	8	68 (18)
Не владеют ни сами, ни родственники	27	—	2 (1)	—	29 (1)
Итого	153 (45)	9	2 (1)	20	184 (46)

* В скобках указано: «в том числе в пехоте».

Имущественное положение служилых «по отечеству» значительно отличалось от дворянского. Количественная его характеристика видна из табл. 8.

Таким образом, 47,2% служилых «по отечеству» (87 из 184 чел.) владели землей и крепостными, в том числе почти все гусары, $\frac{3}{5}$ чинов сотенной службы, почти половина рейтар и копейщиков. У 36,2% (68 из 184 чел.) поместьями и крепостными владели родственники. К ним принадлежали $\frac{2}{5}$ чинов сотенной службы, почти $\frac{2}{5}$ рейтар и копейщиков. Наконец, у 15,9% не было земли и крестьян ни у самих, ни у родственников. К их числу относились 27 рейтар и 2 драгуна.

*

Теперь необходимо рассмотреть, каким образом пополнялся офицерский корпус (табл. 9) и каков был статус в нем недворянских элементов.

Давно и прочно укоренилось мнение о том, что основным «поставщиком» офицерских кадров в Петровское время была гвардия. Это настолько бесспорно и общепринято, что нет нужды загромождать данную работу ссылками на высказывания об этом дореволюционных и советских авторов.

В основе подобного мнения лежит явное недоразумение. 26 февраля 1714 г. был опубликован указ: «Понеже многие производят сродников своих друзей в офицеры из молодых, которые с фундамента солдатского дела не знают, ибо не служили в низких чинах, а которые и служили только для лица по несколько недель или месяцев, того ради таких требуется ведомость, сколько каких чинов есть с 709 году; а впредь сказать указ, чтоб из дворянских пород и иных со стороны отнюдь не писать, которые не служили солдатами в гвардии. Сей указ не на тех служит, которые солдаты из простых людей и, долго служа, свою ваканцию получили прямою службою, которым быть по их достоинствам ныне учиненным и впредь учиняемым, но на таких, которые для лица токмо (как выше писано) были в солдатах малое время»⁶².

Указ этот имел две цели: первую, открыто провозглашенную, — установить преграду для проникновения в офицерский корпус неквалифицированной в военном деле дворянской молодежи и вторую, скрытую, — ограничить в будущем занятие офицерских должностей недворянскими элементами, вступающими в армию после этого распоряжения. К 1720 г. данный указ не мог еще существенно сказаться на составе офицерского корпуса.

Поскольку он прямо не запрещал пополнять офицерство солдатами и унтер-офицерами — выходцами из тяглых сословий, —

⁶² ПСЗ, т. V, № 2775, стр. 84—85.

Таблица 9

Обстоятельства присвоения первичного офицерского звания*
(по неполным данным)

Род войск	При вступлении в службу		В своем полку **		В других армейских полках	
	число офицеров	%	число офицеров	%	число офицеров	%
Пехота ***	139	16,7	365	40,3	234	25,7
Кавалерия	162	16,7	406	42,2	315	39,9
Итого	301	16,1	771	40,5	549	29,2

Таблица 9 (окончание)

Род войск	При переводах в армии		При переводе из гвардии в армию		Всего офицеров	
	число офицеров	%	число офицеров	%	абс.	%
Пехота ***	70	7,7	99	10,9	907	100
Кавалерия	68	7,0	12	1,2	963	100
Итого	138	7,6	111	6,6	1870	100

* Общевоинским первичным офицерским званием был чин прапорщика и приравненные к нему чины «унтер-штаба»: полковые квартирмейстры, писари, адъютанты, обозные, провиантмейстеры, аудиторы, фискалы, профосы, лекари. В гренадерских от кавалерии полках первым офицерским званием для строевых командиров был чин подпоручика.

** Т. е. в том полку, где в 1720—1721 гг. служил данный офицер.

*** По пехоте сведения неполные. Относительно 375 офицеров (29,3%) материалов не обнаружено.

последние продолжали получать офицерские чины за боевые заслуги.

Что же касается дворянских недорослей, зачисленных после этого указа в гвардию, то они, за исключением особо отличившихся, еще не заслужили производства в офицеры. Имеется 111 «сказок» бывших гвардейцев, из них 94 указали время вступления в службу и перевода из гвардии в армейские офицеры. Характерно, что только один из гвардейцев определился в службу в 1711 г., остальные поступили в армию гораздо раньше: 5 чел. — в 1700 г., 1 — в 1702 г., 3 — в 1703 г., 78 —

в 1704 г., 4 — в 1705 г., 2 чел. — в 1706 г. Лишь двое из них были произведены в армейские офицеры после указа 26 февраля 1714 г.

Поэтому в конце Северной войны удельный вес бывших гвардейцев в армейском офицерстве был очень мал — всего 6,6% (111 из 1870 чел.), в том числе в пехоте они составляли 10,9%, а в кавалерии — 1,2%. Последнее объяснялось тем, что производство из гвардейской пехоты в кавалерийские офицеры было нецелесообразно: бывшие пехотинцы не знали тонкостей кавалерийского дела и не имели боевого опыта в этом роде войск.

Основная масса командного состава получила первичные офицерские звания в полевых пехотных и драгунских полках — 80% (1388 из 1870 чел.), из них более половины — в своих полках (771 чел.). Остальные были произведены в офицеры или в других армейских полках (549 чел.), или при переводах в пределах армии на вакантные командные должности, которые не могли укомплектовать местными кадрами (138 чел.).

При формировании первых полков регулярной армии и в начале Северной войны широко практиковалось производство в офицеры царедворцев и других представителей феодальной аристократии без предварительной военной службы или после минимального обучения. В 1700 г. А. И. Чернышев был «записан из стольников в учение под мушкет» и по разбору генерала А. М. Головина «написан в полк капитаном», князь В. Елецкий при вступлении в службу был в 1702 г. произведен в поручики, князь С. Мещерский в 1700 г. «из житья был пожалован в подпоручики» и т. д.

Разумеется, при таком быстром производстве в офицеры учитывалась не только «порода», но и деловые качества. В том же полку князь И. Мещерский был зачислен в службу в 1700 г., а в прапорщики его произвели через 12 лет⁶³.

Из 164 представителей феодальной аристократии, служивших в командных кадрах кавалерии, 70 офицерские звания были даны сразу после вступления в армию или после службы менее одного года.

Офицерские чины присваивали сразу после принятия на русскую службу также иностранцам, в основном «новых выездов», если последние могли документально подтвердить свою принадлежность к офицерскому корпусу своих армий. Из 119 иностранцев, бывших офицерами кавалерии, 91 были пожалованы офицерские чины сразу после зачисления.

В общей сложности к 1720—1721 гг., 16,1% офицеров (301 из 1870 чел.) получили свои чины при вступлении в службу или после службы менее года. Интересно, что и в пехоте, и в кавалерии они имели одинаковый удельный вес (16,7%). Клас-

совое неравенство, характерное для любой армии эксплуататорского общества, наглядно сказывалось при присвоении первичных офицерских званий феодалам и выходцам из феодально-зависимого населения. В этом можно убедиться, сравнив производство в офицеры 89 представителей феодальной аристократии и 90 бывших боярских людей, указавших в своих «сказках» сведения о сроках получения первых офицерских чинов (табл. 10).

Таблица 10

Сроки присвоения первых офицерских чинов выходцам из разных социальных групп

Социальное происхождение	Число офицеров, получивших звания					всего
	при вступлении в службу и службе до 1 года	после службы от 1 до 5 лет	после службы от 6 до 10 лет	после службы от 11 до 15 лет	после службы от 16 до 20 и более лет	
Из феодальной аристократии	46	29	10	3	1	89
Из боярских людей	1	13	40	25	11	90

Таким образом, более половины выходцев из феодальной аристократии (46 из 89 чел.) получили первый офицерский чин либо при вступлении в армию, либо менее чем через год службы в ней, 1/3 стала офицерами, прослужив от 1 до 5 лет (29 из 89 чел.). Что же касается бывших боярских людей, то 3/4 из них (65 из 90 чел.) сделали офицерами после службы от 6 до 15 лет.

Представляется возможным на примере 10 офицеров Казанского пехотного полка, из бывших боярских людей, ознакомиться с прохождением военной службы и сроками присвоения воинских званий представителям непривилегированных сословий⁶⁴. Следует оговориться, что вся их служба с момента поступления в армию до марта 1720 г., когда составлялись на них «сказки», протекала в одном и том же полку. Казанский пехотный полк типичен для петровской полевой армии. Он был сформирован в 1700 г. и принимал участие во всех крупных походах и сражениях Северной войны. Названные в табл. 11 офицеры с момента зачисления в этот полк принимали участие во всех его боевых действиях.

Для характеристики офицерского корпуса немаловажное значение имеют сведения о грамотности командного состава и ее зависимости от социального происхождения отдельных офицеров.

⁶³ ЦГВИА, ф. 490, д. 21, л. 2; д. 17, л. 241 об.; д. 5, л. 184 об.

⁶⁴ Там же, д. 38, лл. 84—114.

Таблица 11

Прохождение службы офицерами Казанского пехотного полка —
выходцами из боярских людей

Чин, фамилия и инициалы	Год вступления в службу	Характер вступления	Продвижение по службе, по годам			Примечание
			произведен в капралы	произведен в унтер-офицер- ские чины*	произведен в офицеры	
Поручик С. Л. Морозов	1700	Добровольец	—	—	1706	Имел 12 ран, бежал из плена
Поручик А. Ф. Мишин	1700	"	1704	—	1709	
Подпоручик В. И. Грибанов	1700	"	1706	1707	1710	Неграмотный
Подпоручик Г. К. Каменев	1700	"	1705	1707	1712	"
Подпоручик Ф. Е. Чересков	1700	"	1708	1711	1714	Был ранен
Прапорщик М. Д. Неворов	1700	"	1700	1704	1711	
Полковой профос О. И. Котов	1700	"	1704	1710	1715	Был ранен, неграмотный
Прапорщик П. Ф. Лихачев	1703	"	—	—	1711	Был ранен
Прапорщик К. В. Дударов	1700	Даточный	1706	1711	1711	
Прапорщик П. М. Носулин	1704	"	1708	1713	1719	

* Под унтер-офицерскими чинами разумеются ротные писари, подпрапорщики, сержанты, ротные каптенармусы.

Для этого мы располагаем данными о 2002 из 2245 офицеров. Нет сведений о 243 чел., в том числе о 200 служивших в пехоте.

Грамотными считаются офицеры собственноручно расписавшиеся под «сказками» или послужными списками. К неграмотным отнесены те, кто поручил это сделать другим лицам, ссылаясь на неумение писать или не указав причину (табл. 12).

Для того чтобы лучше оценить приведенные в таблице данные, необходимо иметь в виду, что в полках грамотные военнослужащие насчитывались буквально единицами. В 1720 г. во Владимирском пехотном полку среди 1228 сержантов, капралов и рядовых грамотных было 36 чел. (3%), в том числе 15 солдат. В гренадерском от кавалерии полку фон дер Роппа в январе 1721 г. из 1211 чел. сержантского и рядового состава грамотных было 127 (10,4%), в том числе унтер-офицеров 25 из 63, капралов и grenадеров 87 из 1038, 10 ротных писарей и 5 нестроевых чинов⁶⁵.

⁶⁵ ЦГВИА, ф. 490, д. 28, лл. 29 об., 30; д. 8, л. 202, 202 об.

Таблица 12

Число неграмотных среди офицеров
(по неполным данным 1720—1721 гг.)

Офицеры	Всего офицеров	В том числе не- грамотных	% неграмот- ных к итогу по родам войск	% негра- мотных к общему итогу
Общее число офицеров	2002	160		8,4
в пехоте	1082	115	10,6	
в кавалерии	920	45	4,9	
Из них:				
офицеры — выходцы из различных социальных слоев				
Дворяне	1275	63		5,0
в пехоте	625	28	4,4	
в кавалерии	650	35	5,4	
Военные служилые люди „старых (прежних) служб“	198	29		14,6
в пехоте	64	20	31,2	
в кавалерии	134	9	6,7	
Выходцы из других сословий	272	68		25,0
в пехоте	255	67	26,2	
в кавалерии	17	1	6,0	

В этих условиях общий уровень грамотности офицерского состава — 91,6% (1832 из 2002 чел.) следует признать очень высоким. Заметно колебание грамотности в зависимости от рода войск: в кавалерии — 95,1%, в пехоте — 89,4% грамотных.

Очень ощутима разница в уровне грамотности, обусловленная социальным происхождением: среди дворян она составляла 95%, военных служилых людей «старых служб» — 85,4%, выходцев из других сословий — 75%.

Среди 67 неграмотных пехотных офицеров — выходцев из других сословий — было: боярских людей — 31 из 101 чел., дворовых — 11 из 30 чел., посадских — 9 из 28 чел., монастырских слуг — 14 из 38 чел., купцов — 1 из 3 чел., крестьян — 1 из 2 чел.

Формально выходцы из недворянских элементов с приобретением первого офицерского чина получали тот же статус, как их коллеги, происходившие из класса феодалов. В отдельных случаях в их подчинении находились представители столбового дворянства. В законодательных актах неоднократно подчеркивалось превосходство чина в должности над «породой». Однако фактически, став офицерами и успешно продвигаясь по службе, недворянские элементы оставались людьми «второго сорта» по сравнению с выходцами из феодальной знати.

В марте 1718 г. Петр I послал для розыска в Смоленск капитан-поручика Писарева. В наказе ему было написано: «Всякими людьми, кто к тому прилично будет, разыскивать и очные ставки давать. А кто принадлежит к пытке, тех и пытать. Кроме штаб-офицеров, также обор-офицеров знатных, кои в армейских полках служат»⁶⁶. Следовательно, армейские обер-офицеры, не принадлежавшие к феодальной аристократии, могли быть арестованы и подвергнуты пытке вне зависимости от должности и заслуг.

Подводя итоги исследованию «сказок» и послужных списков 2245 офицеров полевой армии, мы можем сделать следующие выводы.

• К концу Северной войны Россия обладала первоклассным офицерским корпусом. В своей основной массе он состоял из опытных военных специалистов. 83,7% командного состава начали свою армейскую службу рядовыми и были произведены в офицеры за заслуги, раны, боевые отличия; $\frac{4}{5}$ командного состава (80%) получили первичные офицерские чины в результате службы в армейских полках и только 6,6% были произведены из гвардии. Поэтому необходимо отказаться от общепризнанного мнения о том, что главным источником пополнения армейского офицерства была гвардия. К моменту составления в 1720—1721 гг. «сказок» и послужных списков основная масса офицеров служила в армии 15—20 и более лет. 87,5% офицерского состава были русскими. Хотя штат 1711 г. разрешал иметь в рядах вооруженных сил $\frac{2}{3}$ русских и $\frac{1}{3}$ иноземных офицеров, к концу Северной войны удельный вес последних составлял 12,5%, т. е. $\frac{1}{8}$ часть (правда, среди штаб-офицеров было 31,1% иностранцев, в том числе почти половина полковников).

С введением в 1722 г. в жизнь Табели о рангах все русские офицеры, в том числе выходцы из непривилегированных сословий, вошли в состав шляхетства. Офицерские «сказки» и послужные списки позволяют судить о том, что представляли собой по социальному происхождению и имущественному положению различные группы, вошедшие к началу 20-х годов XVIII в. в ряды военного служилого дворянства.

61,9% офицеров происходили из русских дворян, причем в пехоте они составляли 52,2%, а в кавалерии — 71% командного состава. 65,8% от общего количества дворян-офицеров имели землю и крепостных. Однако многолетний отрыв от своих домов и имений, обусловленный Северной войной, сложное и запутанное землевладение, побег крестьян от владельцев — все это приводило к упадку крепостного хозяйства военных феодалов. Поэтому основная их масса имела главным источником своего существования получаемое из казны жалованье. Хотя

у 24,4% дворян-офицеров не было земли и крепостных, последними владели родственники. У 13,7% не было земли и крепостных ни у самих, ни у родственников. Для офицеров этих групп казенное жалованье было фактически единственным источником существования. Определенную роль в лишении части из них феодальной собственности сыграло проведение в жизнь указа 1714 г. о единонаследии.

10,6% офицерского состава были выходцами из служилых людей старых служб «по отечеству» и «по прибору». Имущественное положение служилых «по отечеству» заметно отличалось от дворянского: 47,2% офицеров из этой прослойки сами владели землей и крепостными, у 39,9% имения и крестьяне принадлежали родственникам, у 15,9% не было земли и крепостных ни у самих, ни у родственников. Что же касается служилых «по прибору», то они не владели ни землей, ни крепостными.

Значительное количество выходцев из других сословий, в том числе из феодально зависимого населения, было тем новым, что существенно отличало петровское офицерство от офицерского корпуса предшествующего времени. В общей сложности выходцы из других сословий составляли 13,9% командного состава. Причем в пехоте их удельный вес равнялся 22,7% офицерского состава. Вместе с тем в таком традиционно дворянском роде войск, как кавалерия, удельный вес их был незначительным — 1,7% офицеров. По своему боевому опыту, личной храбрости, знанию дела выходцы из других сословий относились к лучшей части русского офицерского корпуса. Это были высококвалифицированные военные профессионалы, преданные интересам самодержавия, проявившие себя в борьбе с внешними и внутренними врагами. Желая сохранить в командном составе этих ценных военных специалистов, правительство, при введении в 1722 г. Табели о рангах, присвоило им дворянство. Таким образом, получение офицерского чина за военную службу и боевые заслуги явилось главным каналом, по которому в ряды русского дворянства проникали выходцы из других сословий. Тем не менее фактический статус офицеров — выходцев из тяглых сословий — ставил их в неравноправное положение по сравнению с офицерами из дворян.

Таков был офицерский корпус петровской армии к концу Северной войны.

⁶⁶ ЛОИИ, Письма и бумаги Петра I, д. 88, л. 256 (курсив мой. — М. Р.).